

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью в России

Д.Я. Лавелина ✉, И.С. Прусова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ dlaavelina@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Глобализация и цифровизация оказывают влияние на разные формы социального взаимодействия, в том числе и на социальную сплоченность. Социальная сплоченность играет важную роль в социальном и психологическом благополучии. Однако результаты прошлых исследований раскрывают роль только ее отдельных компонентов (например, межличностное и институциональное доверие), оставляя открытым вопрос о вкладе разных уровней в удовлетворенность жизнью. Настоящая работа опирается на многоуровневую модель социальной сплоченности, которая включает микро- (межличностное доверие, социальная поддержка, частота взаимоотношений), мезо- (открытость, социальное участие) и макроуровни (принятие существующей системы отношений и легитимность институтов).

Цель. Выявить вклад различных уровней социальной сплоченности (уровней межличностных отношений, групповых отношений и отношений индивида и социальной системы) в удовлетворенность жизнью.

Методы и материалы. В онлайн-исследовании приняли участие 955 россиян (45% женщин, $M_{\text{возраст}} = 36,13$, $SD_{\text{возраст}} = 11,90$), заполнив методики, направленные на оценку социальной сплоченности (межличностное доверие, социальная поддержка, частота взаимоотношений, открытость, социальное участие, принятие существующей системы отношений и легитимность институтов), удовлетворенности жизнью и выявляющие социально-демографические характеристики.

Результаты. Результаты моделирования структурными уравнениями показали отличное соответствие данным ($\chi^2(309) = 1035$, $p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Микро- и макроуровни социальной сплоченности вносят положительный вклад в удовлетворенность жизнью. Однако в отношении мезоуровня не было выявлено представленной тенденции. Только субъективный статус, но не объективный, делал значимый позитивный вклад в удовлетворенность жизнью.

Выводы. Данные результаты свидетельствуют о низком уровне гражданского участия или о выборе альтернативных способов реализации социальных отношений на мезоуровне (через другие уровни социальных отношений), что проявляется в отсутствии не-зависимого вклада мезоуровня в удовлетворенность жизнью. Полученные результаты подчеркивают необходимость многоуровневого анализа в отношении социальной сплоченности и удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: социальная сплоченность, удовлетворенность жизнью, моделирование структурными уравнениями, межличностные взаимоотношения, групповые процессы

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Лавелина, Д.Я., Прусова, И.С. (2026). Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью в России. *Социальная психология и общество*, 17(1), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170101>

The contribution of social cohesion to life satisfaction in Russia

D.Y. Lavelina ✉, I.S. Prusova
HSE University, Moscow, Russian Federation
✉ dlavelina@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Globalization and digitalization affect different forms of social interaction (e.g., social cohesion). Social cohesion is an important factor of social and psychological well-being. However, previous research focused on the specific components of social cohesion (e.g., interpersonal and institutional trust) without detailed analysis of the complex model and its contribution to life satisfaction. The present study is based on a multilevel model of social cohesion that includes micro- (interpersonal trust, social support, frequency of relationships), meso- (openness, social participation) and macro-levels (system justification and institutional legitimacy).

Objective. To identify the contribution of social cohesion to life satisfaction.

Methods and materials. A total of 955 Russians (45% women, $M_{age} = 36,13$, $SD_{age} = 11,90$) participated in the online survey and completed the questionnaires of social cohesion (e.g., interpersonal trust, social support, frequency of relationships, openness, social participation, system acceptance, and legitimacy of institutions), life satisfaction, and sociodemographic characteristics.

Results. Structural equation modeling results showed that the model had excellent fit to the data ($\chi^2(309) = 1035$, $p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Micro- and macro-levels of social cohesion contributed positively to life satisfaction without a corresponding effect for the meso-level. Analysis of the socio-demographic factors demonstrated positive contribution to life satisfaction only for subjective socio-economic status.

Conclusions. *The lack of contribution of the meso-level to life satisfaction indicate a low level of civic participation or alternative ways of realization of social relations at the meso-level (through other levels of social relations). The findings emphasize the need for a multilevel analysis of social cohesion and life satisfaction.*

Keywords: *social cohesion, life satisfaction, structural equation modeling, interpersonal relationships, group processes*

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Lavelina, D.Y., Prusova, I.S. (2026). The contribution of social cohesion to life satisfaction in Russia. *Social Psychology and Society*, 17(1), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170101>

Введение

Глобализация, развитие новых коммуникационных технологий и перестройка формальных структур на уровне государства, требующих социального обеспечения, вызывают вопросы относительно снижения социальной сплоченности в мире (Delhey et al., 2018; Schiefer, Van der Noll, 2017; Schmeets, te Riele, 2014). Однако социальная сплоченность связана со многими позитивными для общества последствиями, например, повышением психологического благополучия и физического здоровья на индивидуальном уровне, большим доверием и поддержкой на уровне межличностных отношений, повышением гражданского участия и, как следствие, более высокими показателями социального благополучия на уровне страны (Chuang, Chuang, Yang, 2013; Delhey et al., 2018; Jen et al., 2010). Социальная сплоченность также оказывает влияние на экономическое развитие (рост инвестиций, ВВП) и повышение качества социальных институтов (образование и здравоохранение) на уровне страны (Bottoni, Addeo, 2024; McCracken, 1998; Williams et al., 2020).

Несмотря на широкий спектр положительных последствий для психологического и социального благополучия, в настоящее время отсутствует конвенциональное определение социальной сплоченности (Tok, Woods, Kong, 2024; Yassim, 2019). В одних случаях исследователи обращаются к описательному подходу, предлагая метафоры («социальный клей», «узы», которые удерживают людей вместе) (Schmeets, 2012) или набор характеристик, которыми обладает сплоченное общество или которые могут увеличить социальную сплоченность в восприятии людей (например, положительная эмоциональная связь между членами общества и сообщество с выраженной ориентацией на общее благо) (Dragolov et al., 2013; Yassim, 2019). Однако такой подход не предлагает необходимых для дефиниции границ конструкта. Другие исследования обращаются к анализу отдельных сторон социального взаимодействия, например, отождествляя социальный капитал и социальную сплоченность (Putnam, Nanetti, Leonardi, 1994). В рамках таких подходов остается открытым вопрос об уровне анализа социальной сплоченности и возможности

экстраполяции результатов на уровень общества.

Представленные дискуссии относительно определения и операционализации конструкта привели к анализу более комплексных моделей, которые позволяют рассматривать социальную сплоченность как целостный конструкт, учитывая разные уровни анализа (а именно — межличностный, групповой и системный) (Tok, Woods, Kong, 2024). Г. Боттони (2018) предложил модель сплоченности, которая не только позволяет учитывать разные уровни взаимодействия, но и объективность/ субъективность этих оснований. Модель рассматривает социальную сплоченность как отношения между отдельными индивидами (микроуровень), между индивидами и социальными группами (мезоуровень) и между индивидами и институтами (макроуровень) (Bottoni, 2018). Каждый уровень представлен как объективными, так и субъективными измерениями, что позволяет измерить и чувство сплоченности, и ее реальное проявление (Bottoni, 2018). Микроуровень представлен измерениями межличностного доверия, социальной поддержки (субъективные основания) и частотой взаимоотношений (объективное основание), мезоуровень — открытостью (субъективное основание) и социальным участием (объективное основание), макроуровень — институциональным доверием (субъективное основание) и легитимностью институтов (объективное основание) (Bottoni, 2018). Рассматриваемая модель показала хорошее соответствие данным в разных культурных контекстах в рамках Европейского исследования ценностей (European Social

Survey; ESS) и в том числе в российском контексте (Агадуллина, Лавелина, 2023).

Помимо анализа содержания и структуры социальной сплоченности, многочисленные исследования обращены к изучению последствий, среди которых особый интерес представляет субъективное благополучие (Bottoni, Addeo, 2024). Субъективное благополучие является комплексным конструктом, который включает когнитивный компонент в виде удовлетворенности жизнью и аффективный — в виде счастья (Baltatescu, 2009). Исследования в разных культурных контекстах показывают, что «счастье» в большей степени зависит от контекста (Rajkumar, 2023), в то время как «удовлетворенность жизнью» представляет более стабильную категорию для анализа, в результате чего включается в общие индексы для оценки благополучия на уровне стран (OECD, 2025). Эмпирические исследования подтверждают, что между социальной сплоченностью и удовлетворенностью жизнью существует позитивная связь, которая сохраняется даже для разных экономических групп (Delhey, Dragolov, 2016). Причем социальная сплоченность рассматривается не только как предиктор, но и как модератор, например, в сплоченных обществах на удовлетворенность жизнью сильнее влияет общность ценностей (Ponizovskiy et al., 2020). Отдельные компоненты социальной сплоченности также демонстрируют значимую связь с удовлетворенностью жизнью: межличностное и институциональное доверие, гражданское участие положительно связаны с удовлетворенностью жизнью (Baltatescu, 2009; Flavin, Keane, 2012).

Более того, в некоторых исследованиях субъективное благополучие рас-

сма тривалось в качестве компонента социальной сплоченности (Delhey et al., 2018) или характеристики сплоченного общества (Langer et al., 2017). Сплоченное общество способно подчинять личные потребности благополучию социальной среды (Schiefer, van der Noll, 2017), обеспечивать благополучие всех своих членов (Langer et al., 2017) и непрерывно его развивать (Fonseca, Lukosch, Brazier, 2019). Однако включение субъективного благополучия в качестве компонента социальной сплоченности считается спорным концептуальным решением, так как субъективное благополучие является характеристикой исключительно индивида и не распространяется на общество (Leininger et al., 2021; Sen, 2017). В целом, субъективное благополучие является результатом (т.е. следствием) социальной сплоченности (Delhey et al., 2018). Несмотря на то, что в настоящее время представлен широкий спектр исследований последствий социальной сплоченности, такие исследования не рассматривают комплексные модели и разные уровни анализа, которые могут различаться по их вкладу в удовлетворенность жизнью.

Таким образом, цель настоящего исследования состояла в выявлении вклада различных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью. Для реализации представленной цели была предложена модель, в рамках которой многокомпонентная и многоуровневая социальная сплоченность, представленная микро-, мезо- и макроуровнем, выступала в качестве предиктора, а удовлетворенность жизнью — зависимой переменной. В рамках настоящей модели объективный и субъективный статус были включены в качестве контрольных переменных, так

как прошлые исследования отмечают их связь как с удовлетворенностью жизнью, так и с отдельными компонентами социальной сплоченности. Например, в Китае субъективный социально-экономический статус положительно связан с удовлетворенностью жизнью, но при этом объективный социально-экономический статус, включающий уровень образования и дохода, — негативно (Chiang et al., 2021). Похожий результат был получен в отношении доверия социальным институтам (частого компонента моделей и индексов социальной сплоченности): субъективный статус делал значимый вклад, тогда как объективный статус был незначимым предиктором (Brandt, 2013). При этом индивиды с низким социально-экономическим статусом склонны меньше доверять людям из своего класса (Navarro-Carrillo et al., 2018) и объединяться с другими для коллективных действий на благо улучшения занимаемого положения (Wichowsky, 2019).

Материалы и методы

Процедура и участники. Сбор данных проходил в мае и июне 2023 года на платформе «Яндекс.Толока» с помощью онлайн-анкет, сформированных на платформе «SurveyMonkey». В исследовании приняли участие 955 респондентов (433 женщины, $M_{\text{возраст}} = 36,13$, $SD_{\text{возраст}} = 11,90$), которые были предупреждены о целях исследования и получили вознаграждение за заполнение опроса. Медианный доход участников опроса относился к промежутку «20000—29999 руб.», около половины имели высшее образование (48%).

Методики. Методики, использованные в исследовании, во многом опираются на оригинальную модель Г. Боттони

(2018) и ее реализацию на российской выборке (Агадуллина, Лавелина, 2023), однако были скорректированы на макроуровне из-за высокой корреляции оригинальных переменных в приведенных исследованиях.

Межличностное доверие измерялось двумя вопросами из European Social Survey Round 8 (ESS8) в их конвенциональном переводе на русский язык ($\alpha = 0,74$; например, «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»). Респондентов просили дать ответ по 11-балльной шкале Лайкерта (1 – «Нужно быть очень осторожным», 11 – «Можно доверять»).

Социальная поддержка измерялась с помощью трех вопросов ESS6 ($\alpha = 0,64$; например, «Пожалуйста, скажите, в какой степени Вы чувствуете, что люди в районе, где Вы живете, помогают друг другу?»). Респонденты отвечали по 7-балльной шкале Лайкерта (1 – «Никогда не помогают», 7 – «Всегда помогают»).

Частота взаимоотношений была представлена двумя вопросами из ESS8 ($\alpha = 0,69$; например, «Как много людей в Вашем окружении, если такие есть, с кем Вы можете обсудить личные и интимные вопросы?»). Респондентов просили дать ответ в соответствии с 7-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Очень редко», 7 – «Очень часто»).

Открытость измерялась тремя вопросами из ESS8 ($\alpha = 0,88$; например, «Как Вы считаете, российская культурная жизнь подрывается или обогащается людьми, переехавшими жить в Россию из других стран?»). Респонденты давали ответ в соответствии с 11-балльной шка-

лой Лайкерта (1 – «Подрывается», 11 – «Обогащается»).

Для измерения **участия** за основу был взят блок вопросов из ESS8, который был дополнен аналогичными вариантами ($\alpha = 0,51$; например, «Делали ли Вы что-либо из перечисленного ниже за последние 12 месяцев? Работали в политической партии или инициативной группе»). Респонденты отвечали «Да» и «Нет».

Принятие существующей системы отношений в социальной сфере измерялось с помощью оригинальной шкалы общего принятия системы (Kay, Jost, 2003), адаптированной на русский язык (Agadullina, Ivanov, Sariyeva, 2021) ($\alpha = 0,92$; например, «Сегодня в России большинство людей довольны тем, что имеют»). Респонденты выражали свое согласие по 9-балльной шкале Лайкерта (1 – «Абсолютно не согласен(а)», 9 – «Абсолютно согласен(а)»).

Легитимность институтов была представлена пятью вопросами из ESS8, разделенными на 2 субфактора политических ($\alpha = 0,90$) и социальных институтов ($\alpha = 0,80$; например, «Думая о представленных ниже институтах, насколько Вы удовлетворены их работой? Система образования в России»). Респонденты отвечали на вопрос в соответствии с 11-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Абсолютно не удовлетворен(а)», 11 – «Абсолютно удовлетворен(а)»).

Удовлетворенность жизнью была измерена с помощью вопроса из World Values Survey (WVS; «Насколько Вы удовлетворены собственной жизнью?») (Haerpfer et al., 2022). Респонденты отвечали на вопрос в соответствии с 7-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Совершенно

не удовлетворен(а)», 7 — «Совершенно удовлетворен(а)»).

Объективный статус измерялся с помощью вопроса о среднемесечном доходе респондента. Респонденты оценивали свой достаток по шкале с 14 категориями от «менее 15000 руб.» до «более 200000 руб.».

Субъективный статус измерялся с помощью методики «лестница МакАртура» (Adler et al., 2000) («Представьте себе лестницу, где на самом верху находятся наиболее успешные люди — те, у кого больше денег, лучшее образование и самые престижные места работы. В самом низу находятся люди в худшем положении, у которых мало денег, плохое образование и которые имеют непрестижную работу или являются безработными. Чем выше Вы находитесь на этой лестнице, тем ближе Вы к людям на самом верху, чем ниже Вы находитесь, тем ближе Вы к людям в самом низу. Где бы Вы поместили себя на этой лестнице, чтобы проиллюстрировать свое положение по сравнению с другими людьми в России в данный момент?»). Респонденты отмечали свое положение на лестнице с помощью 11-балльной шкалы Лайкерта (1 — «В самом низу», 11 — «На самом верху»).

Методы анализа. Для проверки наличия связи между переменными был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Для проверки гипотезы о возможности предсказания удовлетворенности жизнью россиян (зависимая переменная) тремя уровнями социальной сплоченности (предикторы) мы применили подход моделирования структурными уравнениями (structural equation modeling; SEM). Уровни социальной

сплоченности были включены в модель как факторы второго уровня, объединяющие факторы первого уровня — переменные, например, фактор мезоуровня объединил переменные «открытость» и «социальное участие». Модель была реализована в статистической программе RStudio (версия R 4.2.2) с помощью пакета «lavaan» (Rosseeel, 2012). Для оценки качества модели при условии более 250 наблюдений в выборке и более 30 индикаторов в модели мы использовали индекс χ^2 , Сравнительный индекс (CFI > 0,90), индекс Такера-Льюиса (TLI > 0,90), Среднеквадратичную ошибку (RMSEA < 0,08) и Стандартизованный корень среднего квадратного остатка (SRMR < 0,08) (Gana, Bros, 2018).

Результаты

Полные результаты корреляционного анализа и описательные статистики представлены в табл. 1. В основном все переменные социальной сплоченности продемонстрировали значимые позитивные корреляции друг с другом. Удовлетворенность жизнью значимо позитивно связана со всеми переменными анализа, что позволяет реализовать регрессионный анализ. Субъективный статус оказался значимо связан со всеми переменными исследования, тогда как объективный статус продемонстрировал значимые корреляции только с удовлетворенностью жизнью (зависимой переменной), частотой взаимоотношений и социальным участием (объективными компонентами социальной сплоченности).

Модель исследования включала в себя межличностное доверие, социальную поддержку и плотность взаимоотношений на микроуровне, открытость и уча-

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики и коэффициенты корреляции
 Descriptive statistics and correlation coefficients

	Переменные / Variables	<i>M</i> (<i>SD</i>)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Межличностное доверие / Interpersonal trust	5,65 (2,31)										
2	Социальная поддержка / Social support	4,92 (1,11)	0,33***									
3	Частота взаимоотношений / Density of relationships	4,00 (1,51)	0,40***	0,47***								
4	Открытость / Openness	6,61 (2,39)	0,24***	0,17***	0,13***							
5	Социальное участие / Participation	—	0,02	0,00	0,15***	0,05						
6	Принятие существующей системы отношений / System justification	4,51 (2,03)	0,27***	0,25***	0,24***	0,24***	0,09**					
7	Легитимность политических институтов / Legitimacy of political institutions	5,57 (2,59)	0,30***	0,31***	0,23***	0,27***	0,05	0,73***				
8	Легитимность социальных институтов / Legitimacy of social institutions	5,65 (2,39)	0,23***	0,23***	0,23***	0,26***	0,07*	0,52***	0,60***			
9	Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	4,45 (1,47)	0,35***	0,43***	0,34***	0,23***	0,07*	0,43***	0,41***	0,32***		
10	Объективный статус / Objective status	4,01 (2,45)	0,04	0,05	0,17***	0,01	0,13***	0,05	-0,02	0,06	0,17***	
11	Субъективный статус / Subjective status	5,30 (1,73)	0,22***	0,27***	0,27***	0,12***	0,11***	0,25***	0,20***	0,21***	0,41***	0,39***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
 Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

стие на мезоуровне, принятие существующей системы отношений, легитимность политических и социальных институтов на макроуровне. Уровни сплоченности выступали предикторами удовлетворенности жизнью, а объективный и субъективный статус были добавлены как контрольные переменные. Модель продемонстрировала отличное соответствие данным ($\chi^2(309) = 1035, p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Все факторы второго порядка – уровни социальной сплоченности – показали значимые факторные нагрузки для переменных в их составе, однако только микро- ($\beta = 0,43, p < 0,001$) и макроуровень

($\beta = 0,21, p = 0,002$) вносили значимый позитивный вклад в удовлетворенность жизнью. Мезоуровень не продемонстрировал значимых связей с зависимой переменной ($\beta = 0,02, p = 0,884$). Среди контрольных переменных только субъективный статус значимо предсказывал удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,24, p < 0,001$), тогда как вклад объективного статуса был незначим ($\beta = 0,05, p = 0,118$). Таким образом, микроуровень социальной сплоченности выступил наиболее важным фактором удовлетворенности жизнью среди всех уровней социальной сплоченности. Полные результаты SEM анализа модели представлены на рисунке и в табл. 2.

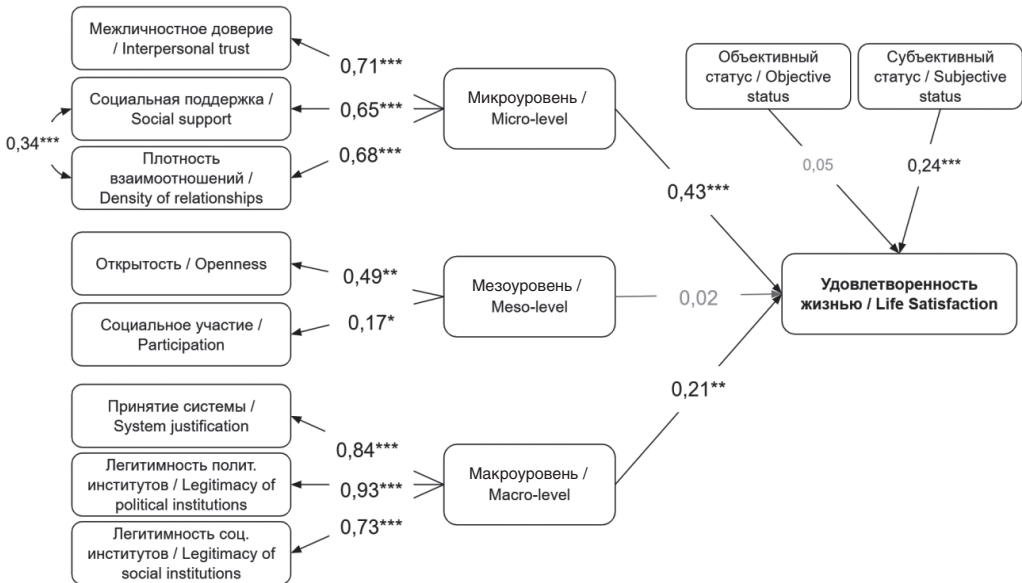


Рис. Роль социальной сплоченности в удовлетворенности жизнью:
 * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; серым цветом обозначены незначимые связи;
 полужирным шрифтом выделена зависимая переменная

Fig. The role of social cohesion in life satisfaction: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; gray colour indicates the statistically insignificant coefficients; semi-bold font indicates the dependent variable

Таблица 2 / Table 2

Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью
The contribution of social cohesion in life satisfaction

Факторы / Factors		<i>B</i> (<i>SE</i>)	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	β
Микроуровень / Micro-level						
Межличностное доверие / Interpersonal trust		1,00 (0,10)	[0,80; 1,20]	9,79	<0,001	0,71
Социальная поддержка / Social support		0,86 (0,09)	[0,69; 1,03]	10,06	<0,001	0,65
Частота взаимоотношений / Density of relationships		0,93 (0,11)	[0,72; 1,14]	8,78	<0,001	0,68
Мезоуровень / Meso-level						
Открытость / Openness		0,57 (0,22)	[0,14; 0,99]	2,63	0,009	0,49
Участие / Participation		0,17 (0,07)	[0,04; 0,31]	2,56	0,011	0,17
Макроуровень / Macro-level						
Принятие существующей системы отношений / System justification		1,54 (0,10)	[1,34; 1,74]	15,32	<0,001	0,84
Легитимность политических институтов / Legitimacy of social institutions		2,53 (0,29)	[1,96; 3,11]	8,67	<0,001	0,93
Легитимность социальных институтов / Legitimacy of social institutions		1,08 (0,07)	[0,94; 1,22]	14,89	<0,001	0,73
Регрессии / Regressions						
Удовлетворенность жизнью ~ / Life satisfaction ~	Микроуровень / Micro-level	0,61 (0,11)	[0,40; 0,82]	5,75	<0,001	0,43
	Мезоуровень / Meso-level	0,03 (0,18)	[-0,32; 0,38]	0,15	0,884	0,02
	Макроуровень / Macro-level	0,29 (0,09)	[0,11; 0,47]	3,12	0,002	0,21
	Объективный статус / Objective status	0,03 (0,02)	[-0,01; 0,06]	1,56	0,118	0,05
	Субъективный статус / Subjective status	0,20 (0,02)	[0,15; 0,24]	8,26	<0,001	0,24

Обсуждение результатов

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью россиян. Результаты исследования показали, что личные взаимоотношения (микроуровень социальной сплоченности) являются наиболее важным фактором удовлетворенности жизнью среди всех уровней социальных взаимоотно-

шений в российском контексте. Именно чувство личного контакта с другими людьми, тесные связи, характеризующиеся надежностью, стабильностью и теплотой, которые в целом принято рассматривать как базовую потребность (“need to belong”) (Baumeister, Leary, 2017), оказываются наиболее значимыми для субъективного благополучия россиян.

Помимо межличностных отношений, также отмечается и роль системного уровня (макроуровня социальной сплоченности) в выраженности удовлетворенности жизнью. Система институтов отражает общую систему правил, которая существует в стране, поэтому согласие с ней и удовлетворенность ее устройством позволяют человеку чувствовать себя увереннее и безопаснее (Jost, 2020). В рамках теории обоснования существующей системы отношений (ТОССО) принятие существующей системы отношений в разных сферах приводит к повышению удовлетворенности жизнью и благополучия, выполняя паллиативную функцию (Jost, 2020). Причем результаты прошлых исследований показывают, что такая тенденция в большей степени проявляется в ситуации угрозы и неопределенности. Учитывая контекст геополитических изменений и социально-экономической нестабильности, выраженная тенденция в поддержке установок на системном уровне может выступать релевантным основанием для совладания с такими изменениями (Jost, 2020).

Преыдущие исследования свидетельствуют о том, что межличностное доверие (основание микроуровня) вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью по сравнению с институциональным доверием (основание макроуровня) в странах Западной Европы, но не Восточной, что соответствует результатам настоящей работы (Baltatescu, 2009). В рамках ТОССО в странах с относительно низким уровнем социально-экономического благополучия отмечается более высокий уровень принятия существующей системы отношений, что также находит выражение в доверии по отношению к действующим

институтам и оценке их легитимности (Jost, 2020). Похожие результаты были обнаружены в Бразилии, в стране с низким уровнем социально-экономического благополучия, где подростки из этнических меньшинств отмечали большую поддержку правительства (Henry, Saul, 2006). Предполагается, что у низкостатусных групп возникает когнитивный диссонанс между представлениями относительно занимаемого положения в социальной иерархии и устройством существующей системы, и принятие существующего порядка способствует снижению негативного аффекта, вызванного таким противоречием (Jost, 2020). Причем такой эффект наблюдается в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе, наоборот, отмечается повышение чувства несправедливости относительно занимаемого положения, что приводит к снижению институционального доверия и смещению фокуса к межличностному взаимодействию (Owuamalam, Rubin, Spears, 2019). Например, в России люди демонстрируют достаточно высокие показатели доверия по отношению к семье, но при этом — относительно низкие показатели доверия профсоюзам и общественным организациям (ВЦИОМ, 2024, 2025).

Мезоуровень социальной сплоченности не вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью. Представленные результаты могут отражать в целом низкий уровень социального взаимодействия на мезоуровне, т.е. слабое вовлечение людей в групповые взаимоотношения. Например, результаты исследования в России показывают относительно низкий уровень участия в политической активности, что может отражать специфику как воспринимаемой эффективности в

реализации политических действий, так и видов активности (системные или антисистемные) (Сариева, 2022). При этом отдельные исследования показывают обратную динамику при оценке коллективной активности, связанной с социальной повесткой (Prusova, Anapuyeva, 2025) и гражданской активностью (Богомолова, Галицкая, Кот, Петренко, 2017). В последующих исследованиях для оценки компонента участия необходимо включать не только разные формы политического участия, но и социального. Результаты, демонстрирующие отсутствие независимого вклада мезоуровня в удовлетворенность жизнью, могут быть также следствием многоуровневости предложенной модели. Взаимоотношения на уровне группы в действительности могут делать вклад в удовлетворенность жизнью, но опосредованный, т.е. при участии других уровней социальной сплоченности вклад мезоуровня может быть распределен между микро- и макроуровнями. Например, объективное основание социальной сплоченности мезоуровня может быть совмещено с микроуровнем, когда большая часть групповых взаимодействий происходит не в близком круге, а в перспективе знакомых людей (например, соседей по дому или коллег в рамках крупной организации). Субъективное основание социальной сплоченности мезоуровня также может выступать предиктором удовлетворенности жизнью через макроуровень, например, когда отношение к социальным группам является социальной политикой более высокой системы отношений и связано с государственными решениями.

Анализ социально-демографических характеристик показал, что субъектив-

ный статус вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью в отличие от объективного статуса, что соотносится с результатами прошлых исследований (Chiang et al., 2021). Люди с высоким субъективным социально-экономическим статусом могут отмечать более высокие показатели в отношении самооэффективности и самооценки, что также находит выражение и в большей включенности в разные формы социальной активности и, как следствие, удовлетворенности жизнью (Chiang et al., 2021). Вместе с тем субъективный статус может выступать одним из защитных механизмов в совладании с объективными показателями социально-экономического положения. Например, результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем достатка переоценивают занимаемое положение в социальной иерархии (Evans, Kelley, 2004). Описательные статистики настоящего исследования показывают, что медиана по уровню дохода приходится на «от 20000 до 29999 рублей» ($M = 4,00$, $\min = 1$, $\max = 14$), в то время как среднее значение по субъективному статусу составило $M = 5,30$ ($\min = 1$, $\max = 11$). Несоответствие между представленными измерениями свидетельствует о переоценке респондентами своего положения для поддержания позитивного представления о себе и существующей системе.

Будущие направления исследования

В настоящем исследовании приняли участие люди с относительно низким уровнем достатка. Результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем дохода отмечают меньший уровень доверия по отношению

к другим людям и удовлетворенности жизнью, но при этом, наоборот, на системном уровне оценивают существующий порядок как справедливый и легитимный в сравнении с теми, кто отмечает более высокий уровень достатка (Jost, 2020; Chiang et al., 2021; ВЦИОМ, 2024). Будущие исследования должны учитывать потенциальную роль высокого объективного дохода в удовлетворенности жизнью и проводить сравнения между группами низкого и высокого дохода для выявления нелинейной связи.

В рамках данного исследования был рассмотрен только когнитивный компонент субъективного благополучия — удовлетворенность жизнью (Baltatescu, 2009). При этом социальная сплоченность может оказывать эффект и на аффективное основание — счастье (Baltatescu, 2009), что позволит представить более комплексную модель и учесть разные уровни социальной сплоченности и компоненты психологического благополучия. Вместе с тем для оценки удовлетворенности жизнью мы использовали инструментарий, включающий 1 утверждение. В последующих исследованиях необходимо обратиться к расширенной версии оценки не только удовлетворенности жизнью, но и качества жизни в разных сферах.

Кроме того, при оценке участия на мезоуровне была рассмотрена политическая активность. Результаты прошлых исследований показывают, что удовлетворенность жизнью не связана с участием в протестной активности (Flavin, Keane, 2012). При этом исследование, проведенное в Китае, показывает, что социальная активность и общественная деятельность в решении городских вопросов, наоборот, приводят к более вы-

соким оценкам удовлетворенности жизнью (Chiang et al., 2021). В дальнейшем расширение форм и сфер участия может существенно дополнить результаты модели (Jost et al., 2017).

В последующих исследованиях в модель необходимо добавить и макроэкономические показатели социального благополучия. Например, результаты прошлых исследований показывают, что уровень жизни, внутренний валовой продукт, социальное неравенство (коэффициент Джини), уровень преступности выступают факторами качества жизни, которые в том числе оказывают влияние на индивидуальные оценки удовлетворенности жизнью (Bottoni, Addeo, 2024; Chiang et al., 2021). Учитывая макроэкономические показатели, в последующих исследованиях также необходимо провести кросс-культурные исследования, направленные на оценку вклада разных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью.

Заключение

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада различных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью. Результаты настоящего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Межличностный уровень (микроуровень социальной сплоченности) социального взаимодействия и системный (макроуровень социальной сплоченности) вносят значимый положительный вклад в удовлетворенность жизнью в России.

2. Субъективный социально-экономический статус вносит вклад в удовлетво-

ренность жизнью в России в отличие от объективных показателей, что свидетельствует о «защитной роли» субъективного основания в оценке своего положения.

3. Мезоуровень социальной сплоченности не вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью, что может свидетельствовать о низком уровне участия и выборе альтернативных механизмов в решении вопросов на этом уровне (путем обращения к близкому кругу или институтам).

Ограничения исследования. Настоящая работа обладает рядом ограничений. Во-первых, в исследовании не учитывались как макроэкономические показатели благополучия, так и аффективный компонент субъективного благополучия (счастье). Во-вторых, для оценки переменной «участие» использовались показатели только политического участия, но при этом не учитыва-

лись социальное и гражданское участие, которые в большей степени связаны с субъективным благополучием. Кроме того, выборку исследования составили преимущественно люди с низким уровнем дохода, что ограничивает возможности генерализации выводов на группы с более высоким доходом.

Limitations. The present study has a number of limitations. Firstly, neither macroeconomic indicators of well-being nor the affective component of subjective well-being (i.e. happiness) were taken into account. Secondly, only political participation indicators were used to assess the variable ‘participation’, even though social and civic participation may be more relevant to subjective well-being. Furthermore, most of participants represented the low level of income, which restricts the ability to generalise the conclusions to higher-income groups.

Список источников / References

1. Агадулина, Е.Р., Лавелина, Д.Я. (2023). Вклад оправдания системы в социальную сплоченность. *Социальная психология и общество*, 14(4), 89–104.
Agadullina, E.R., Lavelina, D.Y. (2023). The Contribution of the System Justification to Social Cohesion. *Social Psychology and Society*, 14(4), 89–104. (In Russ.).
2. Богомолова, Е.В., Галицкая, Е.Г., Кот, Ю.А., Петренко, Е.С. (2017). Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики. *Мир России. Социология. Этнология*, 26(1), 180–197.
Bogomolova, E., Galitskaya, E., Kot, Yu., Petrenko, E. (2017). Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices. *Mir Rossii*, 26(1), 180–197. (In Russ.).
3. ВЦИОМ (2024, август 21). Доверие в России: мониторинг. *ВЦИОМ*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 01.06.2025).
VCIOM (2024, august 21). Trust in Russia: monitoring. *VCIOM*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (Accessed: 01.06.2025).
4. ВЦИОМ (2025). Деятельность общественных институтов. *ВЦИОМ*. <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (дата обращения: 01.06.2025).
VCIOM (2025). The work of public institutions. *VCIOM*. <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (Accessed: 01.06.2025).

5. Сариева, И. (2022). Голосование, подписание петиций или уличная политика? Роль оправдания системы и веры в ее стабильность. *Психологические исследования*, 15(83), 1–18.
Sarieva, I. (2022). Voting, petition signing or street politics? The role of system justification and faith in system stability. *Psychological Studies*, 15(83), 1–18. (In Russ.).
6. Adler, N.E., Epel, E.S., Castellazzo, G., Ickovics, J.R. (2000). Relationship of subjective and objective social status with psychological and physiological functioning: Preliminary data in healthy, White women. *Health psychology*, 19(6), 586–592.
7. Agadullina, E., Ivanov, A., Sarieva, I. (2021). How do Russians perceive and justify the status quo: Insights from adapting the system justification scales. *Frontiers in Psychology*, 12, 717838.
8. Baltatescu, S. (2009). Differential effects of interpersonal and political trust on happiness and life satisfaction. *CINEFOGO Workshop: SSRN*, 1952595.
9. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (2017). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Interpersonal development*, 57–89.
10. Bottoni, G., Addeo, F. (2024). The effect of social cohesion on subjective individual quality of life in European countries. *Social Indicators Research*, 171(3), 1111–1133.
11. Bottoni, G. (2018). Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy. *Quality & Quantity*, 52(3), 1081–1102.
12. Brandt, M.J. (2013). Do the disadvantaged legitimize the social system? A large-scale test of the status–legitimacy hypothesis. *Journal of personality and social psychology*, 104(5), 765–785.
13. Chuang, Y.C., Chuang, K.Y., Yang, T.H. (2013). Social cohesion matters in health. *International journal for equity in health*, 12, 1–12.
14. Chiang, Y.C., Chu, M., Zhao, Y., Li, X., Li, A., Lee, C.Y., Hsueh, S.C., Zhang, S. (2021). Influence of subjective/objective status and possible pathways of young migrants' life satisfaction and psychological distress in China. *Frontiers in psychology*, 12, 612317.
15. Delhey, J., Boehnke, K., Dragolov, G., Ign cz, Z.S., Larsen, M., Lorenz, J., Koch, M. (2018). Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies. *Comparative sociology*, 17(3-4), 426–455.
16. Delhey, J., Dragolov, G. (2016). Happier together. Social cohesion and subjective well being in Europe. *International Journal of Psychology*, 51(3), 163–176.
17. Dragolov, G., Ign cz, Z., Lorenz, J., Delhey, J., Boehnke, K. (2013). Social cohesion radar measuring common ground: An international comparison of social cohesion methods report. *Bertelsmann Stiftung*. <http://aei.pitt.edu/id/eprint/74134>
18. European Social Survey. (2013). ESS Round 6 Module on Personal and Social Wellbeing. Final Module in Template. Centre for Comparative Social Surveys, City University London.
19. European Social Survey. (2016). ESS Round 8 Module on Climate Change and Energy. Question Design Final Module in Template. ESS ERIC Headquarters c/o City University London.
20. Evans, M.D., Kelley, J. (2004). Subjective social location: Data from 21 nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 16(1), 3–38.
21. Flavin, P., Keane, M.J. (2012). Life satisfaction and political participation: Evidence from the United States. *Journal of Happiness Studies*, 13, 63–78.
22. Fonseca, X., Lukosch, S., Brazier, F. (2019). Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it. *Innovation: The European journal of social science research*, 32(2), 231–253.
23. Gana, K., Broc, G. (2018). *Structural Equation Modeling with lavaan*. Wiley-ISTE.

24. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. (eds.). (2022). World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 5.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. <https://doi.org/10.14281/18241.24>
25. Henry, P.J., Saul, A. (2006). The development of system justification in the developing world. *Social Justice Research*, 19, 365–378.
26. Jen, M.H., Sund, E.R., Johnston, R., Jones, K. (2010). Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey. *Health & place*, 16(5), 1022–1029.
27. Jost, J.T. (2020). *A theory of system justification*. Harvard University Press.
28. Jost, J.T., Becker, J., Osborne, D., Badaan, V. (2017). Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 26(2), 99–108.
29. Kay, A.C., Jost, J.T. (2003). Complementary justice: effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of personality and social psychology*, 85(5), 823–837.
30. Langer, A., Stewart, F., Smedts, K., Demarest, L. (2017). Conceptualising and measuring social cohesion in Africa: Towards a perceptions-based index. *Social Indicators Research*, 131, 321–343.
31. Leininger, J., Burchi, F., Fiedler, C., Mross, K., Nowack, D., Von Schiller, A., Sommer, C., Strupat, C., Ziaja, S. (2021). *Social cohesion: A new definition and a proposal for its measurement in Africa* (No. 31/2021). Discussion Paper.
32. McCracken, M. (1998, October). Social cohesion and macroeconomic performance. *Centre for the Study of Living standards (CSLS), Conference: The State of Living Standards and the Quality of life*.
33. Navarro-Carrillo, G., Valor-Segura, I., Lozano, L.M., Moya, M. (2018). Do economic crises always undermine trust in others? The case of generalized, interpersonal, and in-group trust. *Frontiers in psychology*, 9, 1955.
34. OECD. (2025). Life Satisfaction. *OECD Better Life Index*. <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction/> (Accessed: 01.06.2025).
35. Owuamalam, C.K., Rubin, M., Spears, R. (2019). Revisiting 25 years of system motivation explanation for system justification from the perspective of social identity model of system attitudes. *British Journal of Social Psychology*, 58(2), 362–381.
36. Ponizovskiy, V., Arant, R., Larsen, M., Boehnke, K. (2020). Sticking to common values: Neighbourhood social cohesion moderates the effect of value congruence on life satisfaction. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(5), 530–546.
37. Prusova, I.S., Ananyeva, O.A. (2025). Testing the expanded dual chamber model of collective action to help socially disadvantaged groups. *Current Psychology*, 44(10), 8304–8321.
38. Putnam, R.D., Nanetti, R.Y., Leonardi, R. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton University Press.
39. Rajkumar, R.P. (2023). Cultural values and changes in happiness in 78 countries during the COVID-19 pandemic: An analysis of data from the world happiness reports. *Frontiers in psychology*, 14, 1090340.
40. Rosseel, Y. (2012). lavaan: An R package for structural equation modeling. *Journal of statistical software*, 48(2), 1–36. <https://doi.org/10.18637/jss.v048.i02>
41. Schiefer, D., Van der Noll, J. (2017). The essentials of social cohesion: A literature review. *Social Indicators Research*, 132, 579–603.

42. Schmeets, H., Te Riele, S. (2014). Declining social cohesion in the Netherlands?. *Social Indicators Research*, 115, 791–812.
43. Schmeets, H. (2012). Social Cohesion: an integrated empirical approach. *Contemporary theoretical perspectives on the study of social cohesion and social capital*, 127–142.
44. Sen, A. (2017). Well-being, agency and freedom the dewey lectures 1984. In *Justice and the capabilities approach* (pp. 3–55). Routledge.
45. Tok, T.Q.H., Woods, O., Kong, L. (2024). What is Beyond Measurement for Social Cohesion? *Social Indicators Research*, 175(1), 109–127.
46. Wichowsky, A. (2019). Civic life in the divided metropolis: social capital, collective action, and residential income segregation. *Urban Affairs Review*, 55(1), 257–287.
47. Williams, A.J., Maguire, K., Morrissey, K., Taylor, T., Wyatt, K. (2020). Social cohesion, mental wellbeing and health-related quality of life among a cohort of social housing residents in Cornwall: a cross sectional study. *BMC public health*, 20(1), 985.
48. Yassim, M. (2019). The wicked problem of social cohesion: moving ahead. *Journal of Social Marketing*, 9(4), 507–521.

Информация об авторах

Дарья Яковлевна Лавелина, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Ирина Сергеевна Прусова, кандидат психологических наук, заведующий научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Information about the authors

Daria Y. Lavelina, Junior Researcher at the Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Irina S. Prusova, Candidate of Science (Psychology), Head of the Laboratory for Psychology of Social Inequality, Associate Professor of Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Вклад авторов

Лавелина Д.Я. — концептуализация и разработка дизайна исследования; сбор данных, анализ данных, интерпретация результатов; написание и оформление рукописи.

Прусова И.С. — концептуализация и разработка дизайна исследования; сбор данных, интерпретация результатов; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Лавелина Д.Я., Прусова И.С. (2026)
Вклад социальной сплоченности
в удовлетворенность жизнью в России
Социальная психология и общество,
17(1), 5–22.

Lavelina D.Y., Prusova I.S. (2026)
The contribution of social cohesion
to life satisfaction in Russia
Social Psychology and Society,
17(1), 5–22.

Contribution of the authors

Daria Y. Lavelina — conceptualisation and development of research design; data collection and analysis and interpretation of the results; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research.

Irina S. Prusova — conceptualisation and development of research design; data collection and interpretation of the results; annotation, writing and design of the manuscript; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Перед участием в исследовании все участники заполняли форму информированного согласия.

Ethics statement

All participants completed the form of informed consent before their involvement.

Поступила в редакцию 21.08.2025

Поступила после рецензирования 07.11.2025

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.08.21

Revised 2025.11.07

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30